

— Кто здесь?

Если человек уже вошел, а ты еще не среагировал, то бдительность Девятнадцатого как тайного стража оставляет желать лучшего. Причина, по которой он не атаковал, как только кто-то приблизился к дому, была проста — ему было лень, и он хотел еще немного полежать...

— Девятнадцатый, это я.

Услышав голос Дуаньму Цина, Девятнадцатый тут же опустил кинжал и уже собирался встать с кровати, чтобы поклониться и попросить прощения, но Дуаньму Цин остановил его.

— Не нужно просить прощения, это моя вина. Я не предупредил тебя заранее.

Дуаньму Цин зажег масляную лампу в комнате с помощью огнива, осветив Девятнадцатого. Из-за недавних движений одежда на нем слегка разошлась, обнажив ключицу, а грудь была полуприкрыта. В этом полумраке, по сравнению с дневным светом, он казался еще более притягательным для Дуаньму Цина.

Отведя взгляд, Дуаньму Цин велел ему одеться. Девятнадцатый повесил одежду Дуаньму Цина на вешалку, а сам надел черную одежду, которую обычно носили тайные стражи.

Дуаньму Цин расставил блюда на столе и пригласил Девятнадцатого присоединиться. Тот не понимал, что происходит. Неужели хозяин хочет, чтобы он обслуживал его за едой?

Дуаньму Цин достал две пары палочек для еды, положив одну перед Девятнадцатым, и положил ему кусочек еды.

— Попробуй, как тебе вкус?

Девятнадцатый поспешно ответил:

— Подчиненный не смеет.

Усадив его на стул, Дуаньму Цин мягко сказал:

— Почему не смеешь? Ты ведь еще не ел? Просто поешь со мной, хорошо?

Девятнадцатый чувствовал, что сегодня Дуаньму Цин отдавал странные приказы, которые ставили его в неловкое положение. Но как тайный страж он не имел права отказывать хозяину, поэтому он сел.

Он не смел выходить за рамки приличий, поэтому ел только то, что было перед ним, и то лишь несколько кусочков, остальное время просто ковырял рис.

Дуаньму Цин, видя его скованность, тоже положил палочки после нескольких кусочков. Девятнадцатый не мог заставить хозяина ждать, поэтому быстро доел.

Дуаньму Цин очистил яйцо и положил его в его чашку.

— Ты ешь слишком мало. Съешь еще.

Нельзя было отказаться от подарка хозяина, поэтому Девятнадцатый съел яйцо. Но едва он закончил, как Дуаньму Цин очистил еще одно. Его аппетит был невелик, и он уже был сыт на семь частей.

Дуаньму Цин положил ему паровой пирожок с красной фасолью. Девятнадцатый откусил — внутри действительно была красная фасоль.

Дуаньму Цин смотрел на него, думая, как ему повезло встретить такого человека. Когда Девятнадцатый закончил, он спросил:

— Девятнадцатый, ты знаешь стихотворение о красной фасоли?

— Подчиненный не знает.

«Стихов о красной фасоли так много, как я могу знать, о каком именно идет речь? Хозяин становится все страннее.»

Кроме странности, Девятнадцатый не мог найти другого слова, чтобы описать сегодняшнего Дуаньму Цина.

Дуаньму Цин слегка приоткрыл губы и тихо прочитал:

*

Изысканная кость с красной фасолью,

Знаешь ли ты, как глубоко проникла любовь?

*

В прошлой жизни он действительно был глуп и не понимал, как глубоко Девятнадцатый любил его.

— ...

Девятнадцатый молчал, не понимая, что имел в виду Дуаньму Цин. Он не разбирался в любовных делах, но не был глуп. Тайные стражи должны были быть образованными, он понимал стих, но не понимал Дуаньму Цина.

После еды все убрали, но Дуаньму Цин не собирался уходить. Девятнадцатый молчал, опустив голову, и атмосфера стала напряженной.

Дуаньму Цин пришел с намерением остаться. Если Девятнадцатому будет некомфортно жить у него, то он может остаться здесь. В конце концов, это всего лишь сон, и пока Девятнадцатый рядом, он может спать где угодно.

Сейчас было еще рано для сна, и Дуаньму Цин решил поговорить с Девятнадцатым, чтобы укрепить их отношения и ускорить их свадьбу.

— Кхм, Девятнадцатый, сколько тебе лет? — Дуаньму Цин начал разговор с пустого.

— Отвечаю хозяину, подчиненному девятнадцать.

— Девятнадцать, — Дуаньму Цин повторил, неясно, называл ли он его имя или говорил о его возрасте. Девятнадцатый не осмеливался ответить.

Дуаньму Цин действительно не знал, о чем говорить, а Девятнадцатый не смел начинать разговор с хозяином, поэтому после нескольких фраз снова наступила тишина.

Подумав, Дуаньму Цин заговорил:

— Девятнадцатый, говорят, что за каплю доброты следует отплатить рекой, верно?

— Верно.

Дуаньму Цин мягко наставлял:

— Ты же сказал, что я спас тебе жизнь, значит, я твой спаситель, верно?

Девятнадцатый подумал, что Дуаньму Цин проверяет его преданность, и, сложив руки в приветствии, ответил:

— Великая милость хозяина, Девятнадцатый готов служить хозяину, как вол и лошадь.

Увидев, что Девятнадцатый не стал преклонять колени, Дуаньму Цин удовлетворительно кивнул, понимая, что его слова возымели эффект.

— Не нужно быть волом и лошастью.

«Я не хочу, чтобы ты страдал,» — подумал Дуаньму Цин.

— Хозяин, если есть задание, пожалуйста, прикажите, подчиненный обязательно выполнит. — Дуаньму Цин говорил долго, но не дошел до сути. Девятнадцатый подумал, что, возможно, хозяин хочет поручить ему секретное задание, которое может стоить ему жизни.

Каких заданий только не выполняли тайные стражи, даже если это стоило жизни, это было обычным делом. Он не боялся.

Видя, что мысли Девятнадцатого уходят в сторону, Дуаньму Цин наконец дошел до сути:

— Есть еще одна поговорка, которую ты, наверное, слышал: «За спасение жизни невозможно отплатить, и я отдаю себя тебе».

— Да, подчиненный слышал.

«Но он не понимал, какое это имеет отношение к нему.»

— Тогда давай выберем благоприятный день для свадьбы! — Дуаньму Цин улыбнулся.

Он хотел поскорее жениться на Девятнадцатом, чтобы тот стал его законным супругом.

Девятнадцатый, который сидел на стуле, услышав эти слова, вскочил, чуть не опрокинув стул. Он замер на месте, не в силах вымолвить ни слова, его круглые глаза широко раскрылись.

Даже после всех испытаний, которые Девятнадцатый прошел как тайный страж, его сердце давно стало спокойным, но слова Дуаньму Цина все же поразили его. Что хозяин сказал? Свадьба? Он ослышался?

Девятнадцатый решил, что, должно быть, ослышался, и, встав, поклонился, осмелившись уточнить:

— Подчиненный глуп, не понимает слов хозяина.

Подтянув его к себе, Дуаньму Цин посмотрел ему в глаза:

— Я имею в виду именно то, что сказал. Я люблю тебя, хочу жениться на тебе и провести с тобою всю оставшуюся жизнь.

— Не... хозяин, подчиненный был спасен вами и готов отдать всю жизнь, чтобы отплатить, но свадьба... это слишком невероятно.

Подтянув его ближе, Дуаньму Цин продолжил:

— Отплатить жизнью можно и другим способом, например, жениться и быть со мной всю жизнь.

— Хозяин, это разные вещи.

Дуаньму Цин не слушал его оправданий, продолжая соблазнять:

— Если ты не хочешь выходить замуж, то, как тайный страж, ты уже спас меня, убив множество наемников. Тогда я отдам себя тебе, выйду за тебя замуж, как тебе?

Глаза Девятнадцатого стали еще круглее. Тайные стражи обычно не выражали эмоций на лице или в глазах. Хотя лицо Девятнадцатого оставалось бесстрастным, его глаза выдавали его.

В глазах Девятнадцатого читались паника, растерянность и недоверие, как у испуганного зверька. Дуаньму Цин не удержался и погладил его по голове, желая успокоить.

Девятнадцатый рефлекторно отпрянул на несколько шагов, и рука Дуаньму Цина замерла в воздухе. Осознав, что его действия неправильны, Девятнадцатый тяжело шагнул обратно, терпеливо позволяя Дуаньму Цину погладить его еще некоторое время.

Когда Дуаньму Цин насытился, он вернул стул на место и усадил Девятнадцатого, сказав:

— Мне все равно, женюсь я или выхожу замуж. Если ты хочешь выйти замуж, я женюсь на тебе. Если хочешь жениться, я выйду за тебя замуж. Все зависит от тебя, как тебе?

Девятнадцатый снова был поражен.

«Кто-нибудь, объясните, что происходит?»

Он слегка поднял руку, желая потрогать лоб Дуаньму Цина, чтобы проверить, не болен ли он, но это было бы непочтительно, поэтому он лишь подумал об этом.

Заметив его движение, Дуаньму Цин взял его руку и сам приложил ее ко лбу, подержав некоторое время, после чего опустил руку и спросил:

— Ну как? Я не болен, можешь быть спокоен?

— Это... хозяин... — Девятнадцатый запинался, не в силах вымолвить ни слова.

Дуаньму Цин подмигнул ему с улыбкой:

— Если не веришь, можешь попробовать губами, температура губ ближе всего к температуре тела.

Девятнадцатый моментально упал на колени, опустив голову, и произнес только одно:

— Подчиненный не смеет.

Помогая ему подняться, Дуаньму Цин усадил его на стул:

— В будущем ты будешь моей женой, и тебе нечего бояться.

Авторское примечание:

Дуаньму Цин: Небо и земля свидетельствуют, в моем сердце только ты!

Девятнадцатый: Как совпало, в моем сердце тоже только я!

<http://bllate.org/book/16706/1534986>